

Народные названия растений ориентального происхождения в диалектах башкирского языка (по материалам «Мифологического словаря» Ф. Г. Хисамитдиновой)¹

Зарема Назировна Экба

*Институт языкознания РАН
Москва, Россия
zaremaekba@iling-ran.ru*

Посвящаю светлой памяти
Фирдаус Гильмитдиновны Хисамитдиновой,
всю свою жизнь посвятившей изучению,
сохранению и продвижению башкирского языка
(1950–2023)

В статье рассматриваются диалектные названия терминов растительного мира, заимствованные из арабского и персидского языков в башкирский язык. В башкирских диалектах и говорах распространено достаточно большое количество слов данной лексико-тематической группы ориентального происхождения, содержащих заимствованный компонент, и не употребляющихся в литературном языке. В статье даются этимологии диалектных названий растений и проводится связь этих наименований с персонажами ранней тюркской мифологии и исламскими святыми. На основании этимологических разборов делается вывод о том, что этот пласт лексики не всегда связан только с распространением ислама среди башкир и других тюркских народов, как это традиционно принято считать. Народные названия растений, большую часть которых составляют цветы и травы, отражают последовательное наложение различных видов религиозных верований, через которые проходили носители башкирского языка

¹ Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-2025-0003 «Лингвогеография и история уральских и алтайских языков», поддержанного Министерством образования и науки РФ.

на протяжении многих столетий. В них обнаруживается синкретизм библейских персонажей и исламских пророков, вера в целительные силы святых духов и мифических персонажей. Подобную контаминацию диалектные данные отражают лучше, чем литературный язык, т. к. именно в народных наименованиях сохранились наиболее древние представления людей об окружающем мире.

Ключевые слова: башкирский язык, диалектная лексика, этимология, арабо-персидские заимствования, названия растений, этимологический анализ, ориентальная лексика, религиозные верования.

Для цитирования: Экба Н. З. Народные названия растений ориентального происхождения в диалектах башкирского языка (по материалам «Мифологического словаря» Ф. Г. Хисамитдиновой). *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2026, 1: 230–248.

DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-230-248

Popular names of plants of Arabic and Persian origin in Bashkir dialects (based on the Dictionary of Bashkir Mythology by F. G. Khisamitdinova)

Zarema Nazirovna Ekba

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
zaremaekba@iling-ran.ru*

Dedicated to the memory of
Firdaus Gilmitdinovna Khisamitdinova (1950–2023),
who devoted her entire life to the study,
preservation and promotion of the Bashkir language.

The present article discusses the dialectal names of plant terms borrowed from Arabic and Persian into the Bashkir language. In Bashkir dialects and sub-dialects, there is a significant number of words from this lexical and thematic group of Middle Eastern origin that contain a borrowed component and are not used in the literary language.

The article provides etymologies of dialectal plant names and their connection to names associated with characters from early Turkic mythology and Islamic saints. Based on etymological analyses, it is concluded that this layer of vocabulary is not always associated with the spread of Islam among the Bashkirs and other Turkic peoples, as has been traditionally believed. The folk names of plants, mostly flowers and herbs, reflect the successive layers of different types of religious beliefs that Bashkir speakers have experienced over many centuries. They reveal the syncretism of biblical characters and Islamic prophets, as well as the belief in the healing powers of holy spirits and mythical figures. Dialectal data reflects such contamination better than the literary language, as it is in folk names that the most ancient ideas about the world around us are preserved.

Keywords: Bashkir language, dialectal vocabulary, etymology, Arabic and Persian borrowings, plant names, etymological analysis, Middle Eastern vocabulary, religious beliefs

For citation: Ekba Z. N. Popular names of plants of Arabic and Persian origin in Bashkir dialects (based on the Dictionary of Bashkir Mythology by F. G. Khisamitdinova). *Rodnoy yazyk. Linguistic Journal*, 2026, 1: 230–248.

DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-230-248

Введение

Современная башкирская лингвистическая наука обладает богатой коллекцией словарей различного типа. Среди них достойное место занимает «Мифологический словарь» Ф. Г. Хисамитдиновой [Хисамитдинова 2010], в котором представлены около 5000 слов и словосочетаний, связанных с башкирской мифологией. К ним отнесены мифологизированные персонажи, места и предметы, явления живой и неживой природы, а также народные праздники и обрядовые ритуалы, связанные как с шаманскими обрядами и язычеством, так и с мусульманской традицией. В народном творчестве башкир имеются многочисленные примеры контаминации различных наименований, оставшихся от языческого периода, с названиями, имеющими отношение к исламской религии: это имена и эпитеты мифических и мифологизированных персонажей, названия явлений при-

роды и ландшафта, растений и животных, предметов домашнего обихода, обычаев, обрядов и ритуальных действий.

Ранее в проведенном нами исследовании [Хисамитдинова, Экба 2020] отмечалось значительное внедрение исламской религии в мифологию башкир на примере анализа названий духов-хозяев в башкирской мифологии: часть мусульманских святых постепенно перенимает функции духов-покровителей в народном сознании, что находит отражение как в языке, так и в духовной культуре. Подобное явление, как будет показано в настоящей статье, характерно и для диалектных названий растений.

В диалектах и говорах распространено достаточное количество слов, относящихся к названиям растений, которые содержат как минимум один заимствованный компонент. Среди народных наименований растений таковыми являются в основном названия трав и цветов, произрастающих в местах исконного проживания башкир, и практически не встречаются названия деревьев. Это объясняется тем, что основная часть названий экзотических для носителей башкирского языка деревьев заимствованы через письменные источники и употребляются в основном в литературном языке. Народные названия растений арабо-персидского происхождения, большинство из которых функционируют именно в диалектах, показывают сохраняющуюся в языке контаминацию терминов, отражающих существование различных видов религиозных воззрений, через которые проходили носители башкирского языка на протяжении многих столетий. На основании этимологического анализа слов и словосочетаний мы покажем, что этот пласт лексики не всегда связан с распространением ислама среди башкир и других тюркских народов, как это традиционно принято считать. Последовательное наложение различных религиозных верований нашло отражение в фитонимической лексике и является свидетельством того, что как в языке, так и в истории развития народа — его носителя — ничего не исчезает бесследно.

Источники и методы исследования

Основными *источниками* для сбора материала стал «Мифологический словарь» Ф. Г. Хисамитдиновой [Хисамитдинова 2010] (*далее* — МС), к работе привлекался также «Идеографический толковый башкирско-русско-латинский словарь народных названий растений в башкирском языке» [ИТС 2015]. Кроме того, были использованы данные словарей «Башкорт теленең академик һүзлеге» (Академический словарь башкирского языка) в 10 томах [АСБЯ 2011–2018] и «Башкорт теленең диалекттары һүзлеге» (Диалектологический словарь башкирского языка) [ДСБЯ 2002], к работе привлекались полевые материалы автора, собранные в Ишимбайском районе республики Башкортостан [ПМА 2023] и поселке Богазкент в районе Белек в Турции [ПМА 2024].

Объектом нашего исследования послужили диалектные названия растений, которые в основном представляют собой композитные сочетания, содержащие в своем составе компонент арабского или персидского происхождения. Из общего числа таких наименований для настоящей статьи были выбраны только те, которые содержат в своем названии мифологемы, приведенные в МС, в качестве компонента сложного слова или изафетной конструкции. В целях этимологического анализа за отсутствием специального словаря для башкирского языка использован «Этимологический словарь татарского языка» Р. Г. Ахметьянова [Ахметьянов 2015].

При любом системном описании в первую очередь возникает вопрос о классификации исследуемых понятий. В нашем случае разделить диалектные названия на самостоятельные лексико-семантические подгруппы не представляется возможным, т. к. один и тот же заимствованный компонент может употребляться в составе названий разных видов растений: ср., напр., *средн. алкагөл* ‘фуксия’, *средн., дем. алкалы гөл* ‘фуксия’(цветок), *алка үләне* ‘повилика’ (трава); *караид. шайтан ағасы* ‘бузина’ (кустарник или небольшое деревце), *дем. шайтан арбағы* ‘перекати-поле’ (травянистое растение), *ай. шайтан мәшкәге* ‘мухомор’

(гриб). В связи с этим пришлось отказаться от попытки разделения названий растений по ботаническим признакам и выделить ряд самостоятельных групп диалектных названий, объединив их на основании общего заимствованного компонента, который приводится здесь в качестве заглавного слова для группы названий.

Источник происхождения лексем и их арабо-персидское написание приводятся в соответствии с [АСБЯ 2011–2018], транслитерация — в соответствии с общепринятой системой академика И. Ю. Крачковского, т. е. на латинской графике с добавлением диакритических знаков.

Результаты и обсуждение

Алка (араб. *ḥālq*) ‘серьги’. В МС *алка* ‘серьга’ — это мифологизированный предмет, охраняет от злых сил, духов, болезней, дурного глаза, а также способствует плодovitости и благополучию, счастью в семейной жизни [МС 2010: 23]. Самостоятельно это слово является общеупотребительным, а в диалектах входит в состав нескольких названий растений: средн. *алкагөл* ‘фуксия’, средн., дем. *алкалы гөл* ‘фуксия’ (араб. *ḥālq* ‘серьги’ + перс. گل *gül* ‘цветок’) — литературное соответствие *тамсы гөл* (баш. *тамсы* ‘капля’ + перс. گل *gül* ‘цветок’) ‘фуксия’; караид. *алка үләне* (араб. *ḥālq* ‘серьги’ + баш. үлән ‘трава’) ‘повилика’ — литературное соответствие *кесерткән ебәге*. Р. Г. Ахметьянов приводит соответствие для татарского языка *алка* ‘серьга; кольцо, шайба; круг (вокруг Луны)’, диал. ‘крендель’² [Ахметьянов 2015, I: 57]. Все вышеприведенные названия растений в башкирских диалектах явно образованы на основе метафорического переноса — в основе такой номинации лежит сравнение цветка с серьгой, как по внешнему виду (длинная капля на тонкой ножке), так, вероятно, и по функции — покачивание (вспомним, что в состав традиционного национального костюма баш-

² Здесь и далее перевод словарных статей с башкирского и татарского, а также буквальные переводы названий растений наш.

кирских женщин непременно входят длинные серьги, которые покачиваются при ходьбе).

Заметим, что в башкирских диалектах компонент *алка* образует и другие сочетания, не свойственные литературному языку: ср. напр. миас. *алка йаузык* ‘большой двойной платок, украшенный монетами’ (не имеет соответствий в литературном яз.), дем., средн., ик-сакм. *йозак алкаһы* ‘замочная дужка’ (литературное *йозак дуғаһы*), кызыл. *алкалык* ‘мочка уха’ (литературное *йәрпесәк*) и др. [ДСБЯ 2002: 20].

Бәйғәмбәр (перс. *پيغمبر*, *peyğember*) ‘пророк’. Слово имеет соответствия в ряде языков Поволжья: чув. *пихампар*, *пихемпер*, мараб. *пиамбар*, *пиамбер* ‘пророк; божество-помощник верховного бога’; в чув. ‘повелитель волков’; по сведениям Р. Г. Ахметьянова, «слово восходит к иранскому *пайда*, *пейда* ‘появившийся’» [Ахметьянов 2015, II: 104]. В башкирской народной традиции это слово является компонентом названия дня недели — понедельника, который считается днем пророка, называется *пәйғәмбәр көнө* (букв. ‘день пророка’) и, согласно поверьям, является удачным днем для любых начинаний или отправления в дорогу [МС 2010: 252]. В диалектах БЯ данное слово является главным компонентом изафетных конструкций в названиях следующих видов растений: вост. диал. *бәйғәмбәр тырнағы* (букв. ‘ногти пророка’) ‘ноготки, календула’ и *бәйғәмбәр төкөрөгө* (букв. ‘слюна пророка’) ‘тысячелистник’. Оба растения являются целебными и используются в народной медицине, вероятно именно по этой причине в их названиях упоминается мусульманский пророк. Календула имеет и описательное название *һары сәскәле гөл* (букв. ‘растение с желтыми цветками’), а также используется в фонетическом варианте *пәйғәмбәр тырнағы* с глухим губным согласным в анлауте [ДСБЯ 2002: 69].

ҒатиҒа/ҒәтиҒә (араб. *عاطفة* ‘*ātifāt*) ‘ТатиҒа’. В гайн. говоре *ҒатиҒа жим* (букв. ‘пицца ГатиҒы’) ‘просвирник’ — в литературном языке ему соответствует *бесәй табаны* (букв. ‘кошачьи лапки’) ‘просвирник приземистый’ [ДСБЯ 2002: 76]. Персонаж с именем *ҒатиҒа/ҒәтиҒә* предположительно может иметь отношение к суфийским легендам, од-

нако точных указаний на это нам обнаружить не удалось. В МС есть упоминание, что трава с таким названием используется для заговаривания болезней [МС 2010: 60, 81]. Мы полагаем, что *Ғатифа* — это имя либо некой мусульманской святой, либо персонажа ранней тюркской мифологии, обладающей определенной целительной силой, что и дало название растению.

Ғәйшә (араб. عائشة *‘aishāt*) ‘Гайша’. В средн.-урал. говоре гәйшә сәйе (букв. ‘чай Гайши’) переводится как ‘чай луговой’ (или ‘вербейник монетный’) — в литературном языке это калька с русского *болон сәйе* (букв. ‘чай луговой’). Растение является лекарственным и используется в народной медицине. Как видим, его диалектное название представляет собой конструкцию с использованием антропонима *Ғәйшә* — имени одной из жен мусульманского пророка Мухаммеда. В исламской традиции *Гайша (Аиша) и Фатима* — жена и дочь пророка — считаются святыми, покровительницами женщин, больных и детей, о чем упоминается в [МС: 82]. По представлениям башкир и других тюрков, принявших ислам, руки Гайши и Фатимы способны исцелять недуги и болезни своим прикосновением, с именами этих женщин связано много заговоров, которые произносят знахари, бакши и другие «знающие люди» при проведении обрядов излечения. Однако в текстах многих заговоров, приведенных в МС, функционируют как доисламские духи, так и связанные с исламом реальные персонажи, что свидетельствует о синкретизме, имеющем место в верованиях башкир и других мусульманских народов.

Зөһрә (араб. زهرة *zuhrāt*) ‘Зухра’. Как известно, лексема *Зөһрә (Zuhra)* вошло во многие тюркские языки в значении ‘планета Венера’, а также имеет широкое употребление в качестве антропонима [Справочник 1987]. В самом языке-источнике это слово используется в значениях ‘цветок’ и ‘свечение’, и происходит оно от арабского корня *zhp* ‘светиться, сверкать’ [Ахметьянов 2015 I: 289]. В БЯ от этой лексемы образованы два названия растений: *зөһрә сәсе* ‘вид травянистого растения’ и *зөһрә аусылһы* ‘насекомоядное растение’ [АСБЯ 2011–2018, III: 623]. В башкирской мифологии

наименование *Зəһрə* (Зухра) связано с легендой о том, что девушка-сирота с таким именем была поднята на небо месяцем и стала звездой [МС 2010: 97], аналогичная сказка встречается и в татарском фольклоре.

В таком контексте, по всей видимости, правильным будет связать происхождение названия *зəһрə сәсə* (букв. ‘волосы Зухры’) скорее с антропонимом, чем с названием небесного тела. Представленный в словарях термин *зəһрə аусыһы* ‘насекомоядное растение’ [АСБЯ 2011–2018 III: 623] имеет и другое, более точное название ‘венерина мухоловка’ [ИТС 2015: 244], которое скорее всего, является калькой с русского, но при этом тоже с использованием арабского слова (‘Зухра’ вместо ‘Венера’).

Мулла (араб. *مَوْلَا* *māwla*) ‘мулла, священнослужитель’. Данное слово заимствовано во многие языки мусульманского мира в значении ‘мулла (глава прихода и мечети)’. Несколько башкирских названий растений содержат в своем составе этот компонент: кызыл., средн., тук-соран. *мулла салма-сы*, дем. *мулла салмаҫы* (букв. ‘чалма муллы’), сакм. *муллабаш* (стяженная форма от изафетной конструкции *мулла башы* с усечением конечного гласного, букв. ‘голова муллы’) ‘одуваничик’ — литературное соответствие *бәпембә* ‘одуванчик’ [ДСБЯ 2002: 237]. Очевидно, название возникло на основе метафорического переноса: как известно, в культурных традициях некоторых стран мусульманский священнослужитель носит на голове круглую чалму белого цвета.

Еще два диалектных названия выражены конструкцией *молла үләне* (букв. ‘трава муллы’): в с.-з. диалекте так называется ‘зверобой’ — литературное соответствие *һары мәтрүш* (букв. ‘желтая душица’) [ДСБЯ 2002: 233], а также дем., с.-з. *мулла үләне* ‘тысячелистник’ — в литературном БЯ это калька с русского *меңзяпрак* ‘тысячелистник’ (баш. *мең* ‘тысяча’ + *япрак* ‘лист’) [ДСБЯ 2002: 237]. Оба растения относятся к лекарственным и, по всей видимости, употреблялись муллами в лечебных целях: как известно из рассказов людей старшего поколения, в старину мулла часто выполнял в дополнении к своим основным функциям священно-

служителя еще и работу целителя, используя в своем арсенале различные заговоры и травы, откуда те и получили свои народные названия [ПМА 2023].

Мэрийэм-ана (араб. *مريم* *teryet*) ‘Мариам, Марьям’. Р. Г. Ахметьянов считает, что названия, содержащие в составе имя девы Марии (Богородицы), восходят к тому периоду истории, когда часть кыпчакских народов исповедовали христианство, в частности в тат. диал. *маржа, маржа-бикэ* (букв. ‘госпожа Мария’) (*Мэржэм ана* ‘Богородица, дева Мария’ (букв. ‘Мария-мать’, ‘Богородица-мать’) означает ‘божья коровка’ (семь черных точек на спине этого насекомого означают семь печалей девы Марии), проводится параллель с немецким *Marienkäfer* ‘божья коровка’ [Ахметьянов 2015, II: 182]. Башкирские народные названия растений представлены следующими наименованиями: ср-урал. *мэрийэмана*, мias. *мэрийэмана күз йәше* ‘герань’ (букв. ‘слезы Богородицы, матери Марии’) — в литературном языке оно называется *торна бото* (букв. ‘бедро журавля’)³ ‘герань’ [ДСБЯ 2002: 241]. Слово имеет параллели в других тюркских языках, например в татарском *Мэрийэмана яфрагы* (букв. ‘листья Богородицы, матери Марии’) или *Мэрийэмана гөле* (‘цветок Богородицы, матери Марии’) ‘герань’. Происхождение такого названия связано с легендой о том, что на это растение падали кровавые слезы девы Марии, поэтому оно имеет красноватые листья. В литературном БЯ лексема *мэрийэмана* (в слитном написании) самостоятельно употребляется в значении ‘иерехонская роза’, а также является общим названием семейства колокольчиковых [АСБЯ 2011–2018, VI: 482]. Весьма интересно было обнаружить это название и среди турецких народных названий растений — *Meryet Ana otu* (букв. ‘трава Богородицы, матери Марии’)

³ Слово *торна* ‘журавль’ является названием одного из башкирских племен, восходящего к тотему журавля. О почитании башкирами журавлей упоминается еще в записках арабского путешественника X века Ибн Фадлана [Хисамитдинова, Экба 2020: 120], т. е. исконное название этого растения *торна бото* ‘герань’ тоже могло быть связано с древними языческими воззрениями.

[ПМА 2024]. По словам информантов, корни этой травы обладают лечебными свойствами, происхождение самого названия никто объяснить не смог, однако для нас в данном случае совершенно очевидна корреляция с башкирскими и татарскими наименованиями.

В арг. говоре БЯ есть еще одно созвучное название травянистого растения *мәйә сасы* (букв. ‘волосы Марии’) — соответствует литературному *кылған* ‘ковыль’, однако мы считаем, что это название происходит от русского имени Мария и не связано с библейским персонажем. От информантов нам известно, что это имя в ряде говоров, и особенно в разговорном языке, стало нарицательным, а лексема *мәйә* употребляется в обобщенном значении ‘русская женщина’ (независимо от ее настоящего имени). Это связано с тем, что в традиционной башкирской культуре женщина всегда ходила с покрытой головой, в отличие от современных русских женщин, которые часто ходят простоволосыми, в связи с чем и появилось название растения *мәйә сасы* — длинные, тонкие листья ковыли уподобляли распущенным волосам [ПМА 2023].

С культом девы Марии связаны и следующие диалектные названия: средн. говор *мәрәм ағасы* (букв. ‘дерево Богородицы, матери Марии’) ‘бузина красная’ — литературный БЯ *өскал* ‘бузина’, в ик-сакм. говоре этим же словосочетанием называется ‘паслен’ — литературное соответствие *бүре еләге* (букв. ‘волчья ягода’) ‘паслен’ [ДСБЯ 2002: 241]. Р. Г. Ахметьянов считает эти формы коррелирующими с *Мәржән ағачы* (букв. ‘дерево Богородицы, матери Марии’) в среднем диалекте татарского, хотя, согласно его мнению, более ожидаемой была бы форма **Мәржәм ағачы* ‘бузина красная’ [Ахметьянов 2015 II: 182].

Другим, параллельным вариантом названий этих растений в БЯ является *мәйән ағасы* (букв. ‘коралловое дерево’) — в средн. говоре это ‘бузина красная’, в ик-сакм. говоре ‘волчья ягода’. Данная конструкция имеет в составе слово *мәйән*, которое происходит от другого арабского корня (араб. مرجان *merjān*) ‘коралл, коралловый’, ‘бусина, бусы’ —

в данном случае очевиден метафорический перенос по внешнему признаку цвета и формы ягод. Такое название тоже связано с мифологией, на что есть соответствующее указание в МС: *мәрйен* ‘коралл, бусина’ имеет обережную силу, поэтому кораллами украшали нагрудники и головные уборы женщин, кроме того, бусины нанизывали на нитку и носили от сглаза [МС 2010: 228].

Салауат (араб. صلاة *ṣalawat*) ‘хвалебная молитва’. В литературном БЯ *салауат* употребляется в значении ‘хвалебная молитва’, а также весьма широко используется в качестве антропонима в башкирском и татарском языках [Справочник 1987]. В МС *салауат әйтеү* объясняется как ‘приносить молитву’ [МС 2010: 257]. Слово восходит к арабскому слову в значении ‘восхваление бога; осанна’ (ср. киргизское *салабат*, *салават* ‘величие, духовное величие, способность забывать зло’) [Ахметьянов 2015, II:135]. В средн. говоре *салауат йемеше* ‘белена’ — в литературном БЯ *тилебәрән* ‘белена’. Народная этимология склонна связывать диалектное название этого растения скорее с антропонимом, нежели с его апеллятивным значением, т. е. трактовать наименование *салауат йемеше* как ‘ягода Салавата’ по аналогии с выше рассмотренными сочетаниями *ғәйшә сәйе* ‘чай Гайши’, *зәһрә сәсе* ‘волосы Зухры’, *ғатиға жим* ‘пища Гатифы’ и т. д. Однако следует принять во внимание, что в ряде башкирских диалектов слово *салауат* входит в состав изафетных конструкций со значением ‘радуга’: тук-соран., средн. говоры *салауат күпере* (букв. ‘мост Салавата’), сакм. говор *салауат юлы* (букв. ‘дорога Салавата’) — в литературном БЯ этим названиям соответствует *йәйһор* ‘радуга’ [ДСБЯ 267]. Вслед за Р. Г. Ахметьяновым, мы считаем, что происхождение этих названий правильно будет объяснять от апеллятива в его исходном прямом значении — ‘благословенный мост (или дорога)’ (см. подр. об этом [Ахметьянов 1989: 9–10]).

В таком случае требует объяснения происхождение названия растения *салауат йемеше* ‘белена’, которое, как известно, является ядовитым. И мы нашли такое объясне-

ние, обратившись к народным способам лечения. Так, в монографии «Башкирская народная медицина» приведено описание одного из таких методов: «При сильной зубной боли весьма популярным было окуривание больного дымом, исходящим от прокаленных семян белены. Иногда в этих целях использовали семена дурмана, конопли, либо их смесь. Старожилы утверждают, что при подобном лечении иногда из пораженного зуба отходят белые “червячки”. Любопытно, что об отхождении червячков при окуривании дымом белены больных зубов знал и знаменитый врач древности Ибн Сина. Подобное окуривание проводилось также при различных гнойничковых или язвенных поражениях кожи, гноетечениях уха и проч.» [Гумаров 1985: 33, 36]. Таким образом, учитывая глубокую веру людей в целительную силу этого растения, народное название белены *салауат йемеше* следует трактовать как исходное ‘благословенная ягода’.

Сөләймән (араб. سليمان *süleymān*) ‘Сөләймән’ — дух воды, водяной; *сөләймән мөһөрө* — ‘водяная лилия’, водное растение, являющееся в мифологии «цветком водяного» [МС 2010: 268]. В данном случае ситуация обратная: название растения образовано от антропонима и букв. означает ‘печать Сулеймана’. Ранее в наших исследованиях мы обращались к истории возникновения такого мифического персонажа в связи с анализом названий духов-хозяев: «Имя Сулеймана встречено в качестве именованного покровителя воды, а также водоплавающей домашней птицы. Скорее всего, это связано не с библейским Соломоном, а с суфийской легендой о том, что Аллах наслал на Сулеймана Бакыргани (реально жившего в XII веке суфийского шейха) проклятие, по которому после его кончины могила Бакыргани 40 лет будет находиться под водой. Проклятие реализовалось, Бакырган на 40 лет затопило водой, а потом его местонахождение уже никто не помнил» [Хисамитдинова, Экба 2020: 124]. В трудах историков возникновение такой легенды обосновывается вполне реальным историческим событием — изменением русла реки Амурары после разрушения пло-

тин во время монгольского нашествия в 1221 г. Есть и другая версия возникновения такого названия: в поверьях равнинных таджиков упоминается некая *Сулаймон-пари*, которая обычно связывалась с водой (*су лабига утурган Сулаймон-пари*), эта связь могла установиться по созвучию первого слова имени *Сулаймон* с узбекским *су* ‘вода’. Впрочем, имя библейского царя Соломона, согласно коранической традиции, тоже в некоторой степени связано с водной стихией: по мусульманскому поверью, его трон висел над водой (см. подр. об этом [Хисамитдинова, Экба 2020: 111–129]).

Обобщая, можно сказать, что так или иначе, имя *Сулейман* как в мусульманской традиции, так и в доисламской мифологии прочно ассоциируется с водой, поэтому нам кажется вполне логичным соотносить названия *сәләймән мәһәрә* ‘водяная лилия’ (букв. ‘печать Сулеймана’) и *сәләйман балыгы* ‘лосось’ (букв. ‘рыба Сулеймана’) с одноименным персонажем. Растение это также относится к лекарственным, в народной медицине отвар корневища водяной лилии обычно употребляли при бессоннице [Гумаров 1985: 30].

Хәмзә (ар. حمزة *ḥamzat*) ‘Хамза’ — имя коранического персонажа, одного из ближайших сподвижников мусульманского пророка Мухаммеда, его младший дядя и молочный брат, известен как покровитель слабых и обездоленных. В дем. говоре обнаруживаем наименование *хәмзә йыуағы* (букв. ‘лук Хамзы’) ‘лук косой’ — литературное соответствие *оҫкон йыуағы* ‘лук косой’ [ДСБЯ 2002: 367]. В качестве антропонима в разных фонетических вариациях (Хамза, Хәмзә, Хамзат, Хамзет и др.) функционирует во многих языках Поволжья, Средней Азии и особенно Кавказа [Справочник 1987: 48–231; 323–382]. Вторая часть составного названия *йыуа* используется в БЯ в двух значениях — как общее название дикорастущих луковичных растений и как мифологизированное растение, использующееся как отпугивающее средство от болезней и нечистой силы, как и все острые на вкус растения [АСБЯ 2011–2018 IV: 240]. В сакм. говоре образовано и другое производное слово: *хәмзә-бармак* ‘безы-

мянный палец' (букв. 'палец Хамза') — в литературном БЯ это *сығанак бармак* 'безымянный палец' [ДСБЯ 2002: 367].

Шайтан (араб. شيطان *šayṭān*) 'черт, дьявол'. В МС зафиксированы многочисленные словосочетания, содержащие этот компонент [МС 2010: 358–359], свидетельствующие о том, что слово широко распространено в народной мифологии. В рамках нашего исследования отметим, что оно входит в целый ряд диалектных названий растений: караид. *шайтан ағасы* (букв. 'чертово дерево') — баш. литературное *өскат* 'бузина' (кустарник или небольшое деревце); дем. *шайтан арбағы* (букв. 'чертова телега') — баш. литературное *камғаҡ* 'перекати-поле' (травянистое растение); дем. *шайтан көпшәсе*, ай. *шайтан көпшәһе* (букв. 'чертов стебель') — литературное *шыма көпшә* 'дягиль' (лекарственное растение); дем. *шайтан кымызлығы* (кымызлык — литературное название растения 'горец альпийский' [АСБЯ 2011–2018, V: 735]) — литературный БЯ *һарына* 'саранка' (растение рода лилия); ай. *шайтан мәшкәге* (букв. 'чертов гриб') 'мухомор' — в литературном БЯ употребляется русское заимствование *мухомор*.

Такое название мухомора не следует путать с наименованиями другого гриба, тоже содержащими заимствованные элементы: *иблис бәшмәге* и *пәрей бәшмәге*, что соответствует русскому названию 'сатанинский гриб' [ИТС 2015: 54]. По нашему мнению, эти названия образованы как кальки с русского от латинского *Boletus satanas*: название *иблис бәшмәге* происходит от араб. إبليس *iblis* 'дьявол, черт', 'предводитель шайтанов' (слово *иблис* проникло из мусульманской мифологии) + баш. *бәшмәк* 'гриб', а название *пәрей бәшмәге* возникло аналогично от перс. پری *peri* 'бес, нечистая сила' + баш. *бәшмәк* 'гриб', от него же происходит и название другого растения *пәрей кесерткәне* (букв. 'крапива беса') или 'глухая крапива', также упомянутого в Мифологическом словаре [МС 2010: 252].

Отметим, что литературные соответствия вышеприведенных диалектных названий, содержащих компонент *шайтан*, являются исконными. Исключением из этого ряда

является только название растения ‘чертополох’, которое и в диалектах, и в литературном языке образовано изафетной конструкцией, содержащей заимствованное слово: средн. *шайтан дегәнәге* (букв. ‘чертов лопух’), караид. *шайтан карағайы* (букв. ‘чертова сосна’), диал. *шайтан үләне* (букв. ‘чертова трава’), литературное *шайтан таяғы* (букв. ‘чертова палка’) — все они означают ‘чертополох’ [ДСБЯ 2002: 389].

В плане словообразования диалектных названий растений можно отметить, что они представляют собой по большей части изафетные конструкции, в основном второго типа с аффиксом принадлежности, в единичных случаях — сложные слова, одним из компонентов которых является арабо-персидский, другой — либо тоже заимствованный, либо исконный.

Заключение

Таким образом, рассмотренные нами этимологии слов, содержащих арабский или персидский заимствованный компонент, позволяют говорить о том, что в народных названиях растений отражена контаминация шаманистических, языческих, христианских и мусульманских представлений людей об окружающем мире. Вполне очевидным является влияние исламской религии на башкирскую мифологию: часть мусульманских святых в народном сознании постепенно перенимает функции доисламских мифических персонажей, что находит отображение и в языке, и в духовной культуре, однако и значимость языческих верований все еще велика. В народных наименованиях растений гармонично соединились культ библейской Девы Марии, персонажа суфийских легенд царя Соломона, исламских пророков, вера в целительные силы святых духов, мифических, библейских и коранических персонажей.

В рамках нашей темы отметим, что в отношении языка на примере башкирского мы наблюдаем, что подобную контаминацию диалектные данные отражают лучше, нежели чем литературный язык, т. к. именно народные назва-

ния растений сохранили как наиболее древние, так и более поздние по времени представления людей об окружающем мире.

Сокращения

Общие

араб. — арабское
букв. — буквальный перевод
БЯ — башкирский язык
ЛЯ — литературный язык
перс. — персидское
подр. — подробно
см. — смотри
ср. — сравните

Диалекты и говоры башкирского языка

Восточный диалект:

ай. — айский говор
арг. — аргаяшский говор
кызыл. — кызыльский говор
миас. — миасский говор
сал. — сальютский (сальзигутский) говор

Южный диалект:

дем. — демский говор
ик-сакм. — ик-сакмарский говор
иргиз. — иргизский говор
сакм. — сакмарский говор
ср. — средний говор
ток-соран. — ток-соранский говор

Северо-Западный диалект:

гайн. — гайнинский
караид. — караидельский говор
нижнебельск. — нижнебельский говор
среднеурал. — среднеуральский
танып. — таныпский говор

Литература

АСБЯ 2011–2018 — *Башкорт теленең академик һүзлеге* = Академический словарь башкирского языка. Под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. В 10 т. Уфа, 2011–2018.

Ахметьянов 1989 — Ахметьянов Р. Г. *Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья*. Москва, 1989.

Ахметьянов 2015 — Ахметьянов Р. А. *Этимологический словарь татарского языка*. В 2 т. Т. 1: А–Л. Т. 2: М–Я. Казань, 2015.

Гумаров 1985 — Гумаров В. З. *Башкирская народная медицина*. Уфа, 1985.

ДСБЯ 2002 — *Башкорт теленең диалекттары һүзлеге* [Диалектологический словарь башкирского языка]. Уфа, 2002.

ИТС 2015 — Усманова М. Г., Исянгулова Г. А., Хайретдинов С. С. *Идеографический толковый башкирско-русско-латинский словарь народных названий растений в башкирском языке*. Синонимы. Уфа, 2015.

ПМА 2023 — Экба З. Н. *Полевые материалы автора*. Республика Башкортостан, Ишимбайский район, 2023 г.

ПМА 2024 — Экба З. Н. *Полевые материалы автора*. Поселок Богазкент, р-н Белек/Анталия (Турция). 2024 г.

Справочник личных имен народов РСФСР. Под ред. А. В. Суперанской. Москва, 1987.

Хисамитдинова 2010 — Хисамитдинова Ф. Г. *Мифологический словарь башкирского языка*. Москва, 2010.

Хисамитдинова, Экба 2020 — Хисамитдинова Ф. Г., Экба З. Н. *Наименования духов-хозяев в башкирской мифологии. Урало-алтайские исследования*, 2020, 3 (38): 111–129.

References

Akademicheskii slovar' bashkirskogo yazyka [Academic Dictionary of the Bashkir Language]. Ed. by Khisamitdinova F. G. In 10 vols. Ufa, 2011–2018. (In Bashkir)

Akhmet'yanov R. G. *Obshaya leksika material'noj kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* [General vocabulary of the material culture of the peoples of the Middle Volga region]. Moscow, 1989. (In Russ.)

Akhmet'yanov R. G. *Etimologicheskii slovar' tatarskogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Tatar Language]. In 2 vols. Kazan, 2015. (In Tatar)

Dialektologicheskii slovar' bashkirskogo yazyka [Dialectological dictionary of the Bashkir Language]. Ufa, 2002. (In Bashkir and Russ.)

Ekba Z. N. *Field notebook*. Ishimbay region, Bashkortostan Republic (Russia). 2023.

Ekba Z. N. *Field notebook*. Boğazkent. Belek/Antalya region (Turkey). 2024.

Gumarov V. Z. *Bashkirskaya narodnaya meditsina* [Bashkir folk medicine]. Ufa, 1985. (In Russ.)

Khisamitdinova F. G. *Mifologicheskii slovar' bashkirskogo yazyka* [A Dictionary of Bashkir Mythology]. Moscow, 2010. (In Bashkir and Russ.)

Khisamitdinova F. G., Ekba Z. N. *Naimenovaniya dukhov-khoz'yaev v bashkirskoi mifologii* [Names of local spirits in Bashkir Mythology]. *Ural-Altaic Studies*, 2020, 3 (38): 111–129. (In Russ.)

Spravochnik lichnykh imen narodov RSFSR [Directory of personal names of the peoples of the RSFSR]. Ed. by Superanskaya A. V. Moscow, 1987. (In Russ.)

Usmanova M. G., Is'angulova G. A., Khayretdinov S. S. *Ideograficheskii tolkovyy bashkirsko-russko-latinskiyslovar' narodnykh nazvaniy rasteniy v bashkirskom yazyke. Sinonimy* [Bashkir-Russian-Latin Dictionary of folk names of plants in the Bashkir Language. Synonyms]. Ufa, 2015. (In Bashkir, Latin and Russ.)